

Осыпайся СЕНТЯБРЬ

Виталий
Вульф

4 сентября исполнилось 90 лет со дня рождения Павла Владимировича Массальского. Когда-то в далеком 1927-м во МХАТе шла пьеса Вл. Массы «Сестры Жерар», написанная по мотивам французского мелодрамы «Два сиротки». Тогда Массальский впервые обратил на себя внимание Станиславского. У красивая артистка была на сцене МХАТа счастливая судьба. Никто не сыграл такое количество ролей, как Массальский: знаменитый Дингилл в «Пиканском клубе» по Диккенсу, Вронский в «Анне Карениной», Вова в «Плодах просвещения», лорд Горинг в «Идеальном муже» Уайльда, Молчалин, Тузенбах, Геве, Барон в «Еще день». Премьеры и входы. Граф Адльвиана после Лягушова, Вронский после Прудкина, Манилов после Кедрова, Тузенбах после Хмелева, Барон после Качалова. Удаchi, неудачи, проходные роли. Все было в его жизни.

В памяти сохранился красивый, обаятельный человек, боготворивший Художественный театр, любивший своих учеников, живший искусством и умиравший порой от непонимания перемен, губивших то прекрасное, чему он посвятил жизнь. Актер гибкий, мастер, ослепительно игривый характерные роли, он часто скрывал свою неудовольствительность, писал в записных книжках, что «жизнь в театре сложилась не так, как мечта», и болезненно реагировал на любые критические замечания, стараясь понять, что верно, что нет.

Павел Владимирович любил вспоминать прошлое. То время, когда были живы старики первого поколения, когда репетировал Немирович-Данченко,

ко, а партнерами Массальского были Тарасова, Степанова, Андреевская, Лянов, Ерихов. Старый МХАТ был его страстью. В старости ему казалось, что время 30—40-х годов, особенно тридцатых, было гармоничным и безмятежным. Он был очень огорчен, прочитав «Театральный роман» Булгакова, считая, что обязательно найдется читатель, который увидит в нем злую карикатуру на основателей МХАТа и примет блистательно написанные образы актеров за подлинных портреты мхатовских мастеров. Он был глубоко убежден, что роман хорош, но пригоден «для внутреннего пользования» и нельзя выносить на публику то, что предназначено для «эксплуатации». Его тревожило, что изменится время, и о старом МХАТе будет судить по Булгакову, забывая, что это сатирический роман, а не подлинный слепок. «Вот вы увидите», — говорил он, — роман заиграет на сцене, и чем талантливее будут актеры, тем смешнее будет смотреть на Архистарха Платоновича и Ивана Васильевича. Будут говорить, что это Станиславский и Немирович-Данченко, будут смеяться над Кореневой и Бокшанской... Хорошо, что я до этого не доживу». Мысль, что кто-то когда-то может насмешничать над тем, что ему было дорого, была для него невыносима, возразений он не принимал.

Давно уже нет Павла Владимировича, он умер в декабре 1979 года. Давно уже нет тех

людей, для которых старый Художественный театр был великой любовью. Знатоки сегодня доказывают формализм Станиславского, «Московский комсомолец» пишет художественный театр с маленькой буквы, для ислой молодой интеллигенции булгаковский роман во многом определяет отношение к старому МХАТу.

На похоронах Смокутовского подумалось, как божит время: ведь Иммануил Михайлович считался «стариками» второго поколения — скандалом, а теперь и его уже нет. Бог всегондешнего дня — скандал, откровенность, не знающая стыда, резкость и безжалостность тона по отношению к живым и мертвым. Изменились привычки потребления культуры. Уже стали привыкать к тому, что важно не то, как ты пишешь, что ты пишешь, важно одно: дает это деньги или нет. Если раньше государство финансировало и поддерживало то, что имеет политическое значение и как мещанам было далеко не беспристрастно, то теперь все и вся во власти коммерции. Люди поколения Массальского принадлежат уже легенде.

Изменилась художественная культура. Она живет в новых условиях, и любому человеку естественно проходить их, что-то обретать, что-то терять, в этом — свобода жизни, богатство и свобода потери. Время идет свокоз нас, одни одарены чувством сопричастности сегодняшнему миру, другие этого дара лишены. Тем, кто лишен,

остаются сарказм и ностальгия. Те, кто наделен этим чувством, — нарабатывают новую шкалу ценностей. Сменился исторический час, порой эта смена убийственна для культуры. Всеобщность связей, годия принята обанкрившаяся материальных доказательств. Оттого так много разговоров о деньгах, спонсорах, рекламе, приносящей доходы. А театры по старой русской традиции выживают, когда внутри них побеждает общность, счастье, и обогащаясь. Так продолжает жить «Современники», пытаясь Малый театр, «Ланком». Но все они вынуждены збывать в себя жесткие, неродные искусства «старейки». Традиции прошлого, однако, не утеряны.

9 сентября в фойе Театра имени Моссовета состоялся сбор труппы, вернее, «утро», посвященное 100-летию Юрия Завладского. Вспоминали явное, что его режиссуры, ее романтизм, склонность к мистике. Жизнь художника, которым уважалась Марина Цветаева, посвятив ему две пьесы — «Каменный ангел», «Фортуна» и цикл стихов «Комедианты», и который вынужден был ставить Вирту и Софронию, вобрала в себя советскую эпоху, рассыпав ее на мельчайшие подробности. Театр, сохраняющий культурную память, как выживает, несет все тяготы сиротства. Вспоминали Маршакну, Бирман, Раневскую, Плятта, Любовь Орлову, Серову, Мордянова, Названова. В зале сидели те, кто работал с Завладским: Дробышев, Бортников, Талызина, Стеблов, Адакин, Каратаева, Иванов, Шапошников, Молдачская, Беркут — все, для кого несостоянная потеря Юрия Александровича, хотя уже много лет театр пытался ее возместить. Так складывается репертуар, что удачно поджидает театр «под крышей» или «на Малой сцене». «Ошибки одной ночи» и «Белая гвардия», «Цаня» Миллера и старый «Шум за сценой» в своем не связывающемся противостоянии обанкриваются. Неодорожные эстетические поколения от «византо прощлым летом» что «Пилки» свидетельствуют, что театр ходит по кругу, как бы толчется на месте, и счастье творческого обладания, испытанное, скажем, вхатенговцами в «Без вины виноваты», пока впереди. Но почти на ошупь ощущаешь интеллигентность театра, его культуру, умение искать новые имена. Пробуют себя молодые режиссеры А. Житинкин и Б. Мильграм, сохраняются святое уважение к искусству, а значит и надежда на то, что если что-то осыпается, что-то и расцветает.

Театр — дело ежедневное, чтобы быть «в форме», ему нужны идеи, выход на линию, где художника ведут «интуиция и чувство» (термин Станиславского). Для истинного художника глаголы «фантазировать»

ли те, кто работал с Завладским: Дробышев, Бортников, Талызина, Стеблов, Адакин, Каратаева, Иванов, Шапошников, Молдачская, Беркут — все, для кого несостоянная потеря Юрия Александровича, хотя уже много лет театр пытался ее возместить. Так складывается репертуар, что удачно поджидает театр «под крышей» или «на Малой сцене». «Ошибки одной ночи» и «Белая гвардия», «Цаня» Миллера и старый «Шум за сценой» в своем не связывающемся противостоянии обанкриваются. Неодорожные эстетические поколения от «византо прощлым летом» что «Пилки» свидетельствуют, что театр ходит по кругу, как бы толчется на месте, и счастье творческого обладания, испытанное, скажем, вхатенговцами в «Без вины виноваты», пока впереди. Но почти на ошупь ощущаешь интеллигентность театра, его культуру, умение искать новые имена. Пробуют себя молодые режиссеры А. Житинкин и Б. Мильграм, сохраняются святое уважение к искусству, а значит и надежда на то, что если что-то осыпается, что-то и расцветает.

Театр — дело ежедневное, чтобы быть «в форме», ему нужны идеи, выход на линию, где художника ведут «интуиция и чувство» (термин Станиславского). Для истинного художника глаголы «фантазировать»

ать», «творить» «равнозначны в своем реальном художественном содержании. Не случайно пользуются любовью во всем мире драматургия Теннесси Уильямса с его пугающей откровенностью тому, что обычно людям дано пережить неедина с собой. Вот только что Театр имени Гоголя выпустил премьеру «Знак батыра» «Красный дышло». Сергей Яшин продолжает ставить «подпольного» Уильямса, который и на Западе ставлен мало и плохо. Как завила когда-то М. Туровская, о пьесах Уильямса «надо писать мало и бесечно — тонким пером». Его нет в руках М. Зайонц, постоянного театрального обозревателя газеты «Сегодня». Странно, почему критик позволяет себе публиковать столь разнузданные-врикческие статьи, как рецензия на «Красного дышла». Весь пафос своего негодования на этот раз М. Зайонц обрушила на Теннесси Уильямса, что, собственно, вынудило меня отвечать на выпад рецензента и что я бы никогда не сделал, если бы критик ограничился спектаклем по пьесе, которую переводил вместе с А. Чеботарев. Понимаю, что критику может не нравиться пьеса, что у М. Зайонц не было желания разглагольствовать и расшифровывать метафорический ряд, что, наконец, может быть, ей вообще не интересен великий художник века. Но соблюдать дистанцию критик обязан, как обязан знать материал, а не писать, что бог на душу положит, в ос-

корбительном тоне с псевдо-великодушной снисходительностью. Драматургия «Знак батыра» «Красный дышло» принадлежит к тем подпольным, которые похожи на его знаменитые классические пьесы и одновременно не похожи. Пестрота жизни не становится беднее в пьесе, но настойчивее мотив опасности надвигающегося фашистского сознания, зародившегося по люмпенским углам, и в этом прозорливость автора, блуждающего в собственных ощущениях. М. Зайонц продемонстрировала, что на пыльном, надувающимся свою тему критике, какин она заплелась по статьям в «Московском наблюдателе», она превратилась в рецензента злого и грубого, раздраженного своей пестротой, на недалежного ни тактом, ни уважением к тем, с кем пишет, и, что самое печальное, растершего способность проникать в чужие и чуждые ей миры. Критик должен владеть своим жанром, а не волевать себя в глухие пространства своих незнаний и комплексов. Своим такойой ас более и более отделяется от критической мысли, а это жаль. Было время, совсем недавно, когда театры ждали статей Соловьевой, Крымовой, Смелянского, Свободина, Максимовой, когда образованная и этическая энергия критических статей не истощалась на глазах.

Сегодня мы ко многому привыкли. К тому, что почти нет

современных пьес. К тому, что гиперболические сгущения характеров и страстей интересуют на сцене меньше, чем кандалявые жизненные коллизии. К тому, что разрыв связи времен реализовался и реализоваться тут у нас не может. Отвержены одни эстетические системы, не жажте другие. На поверхности — измученные страсти и теньные, запутанные политические интриги с четкими многообразным оттенком. А театры все равно начинают работать. Как всегда, яркая афиша у Театра имени Вл. Маяковского: спокойной и достойно работает старейший и нестарейший Валентин Плучик; Олег Ефремов, переживший невосполнимую потерю — смерть Смокутовского, — репетирует во МХАТе имени Чехова пушкинского абриса Годунова, на первое октября назначена премьера.

В мир театра сегодня входят с фанатизмом здравое смысле. С. Женовач собирается ставить Достоевского, Б. Мильграм — «Горе от ума». Выбор и позиции — безупречны, но как осмысленный новый наш мир, чем, в сущности, он живет, откуда возникает воспитательные собеседники — на эти вопросы театр пока не дает ответа. Современных произведений в его репертуаре почти нет, сборник «Современная драматургия» печатает пьесы, которые остаются предметом чтения для узкого круга. Можно иметь ясную творческую цель, можно отдаваться импровизации, можно подменять конфликты плоским жизнеподобием, очевидно одно: театр жив, несмотря на низвержения и порою неточность его рассуждений.